

Гостиница. Ги де Мопассан

Подобно всем деревянным гостиницам, расположенным высоко в Альпах у подножия ледников, среди скалистых и голых ущелий, пересекаемых белыми кряжами гор, гостиница Шваренбах служит пристанищем для путешественников, которые направляются через проход Жемми.

В течение полугода, пока она бывает открыта, там живет семья Жана Хаузера; когда же снег заваливает долину и спуск к Лозэшу становится непроходимым, женщины, отец и трое сыновей уходят, оставляя в качестве сторожа старого проводника Гаспара Хари вместе с молодым проводником Ульрихом Кунси и большой горной собакой Самом.

В этой снежной тюрьме двое мужчин и собака живут до самой весны, ничего не видя, кроме огромного белого склона Бальмхорна, окруженные бледными и сияющими вершинами, запертые, осажденные, погребенные под снегом, который вздымается вокруг них, обступает, сдавливает, сжимает маленький дом, скопляется на крыше, застигает окна и заваливает дверь.

Настал день, когда семья Хаузер должна была возвратиться в Лозэш; надвигалась зима, и спуск становился опасным.

Трое сыновей ушли вперед, сопровождая трех мулов, нагруженных разными пожитками и мелкой кладью. Немного погодя мать, Жанна Хаузер, и дочь, Луиза, взобрались на четвертого мула и тоже пустились в путь.

Следом за ними шел отец с двумя сторожами, которые должны были проводить семью до начала спуска.

Сперва они обогнули маленькое, уже замерзшее озерцо на дне огромного скалистого провала, который начинается перед самой гостиницей, потом пошли по белой, как полотно, долине, окруженной со всех сторон снежными вершинами.

Целый потоп солнечных лучей низвергался на эту белую блистающую ледяную пустыню, зажигая ее слепящим, холодным огнем; ни признака жизни не видно было среди этого океана гор, ни малейшего движения в этой бесконечной пустыне, ни звука, который нарушил бы глубокое безмолвие.

Мало-помалу молодой проводник, Ульрих Кунси, рослый, длинноногий швейцарец, обогнал Хаузера-отца и старика Гаспара Хари, чтобы приблизиться к мулу, на котором ехали женщины.

Младшая из них следила за его приближением и словно подзывала его печальным взглядом. То была юная белокурая крестьянка; ее щеки молочной белизны и тусклые волосы, казалось, обесцветились от долгого пребывания среди ледников.

Подойдя к мулу, на котором она сидела, Ульрих положил руку на его круп и замедлил шаг. Хаузер-мать обратилась к нему и с бесконечными подробностями принялась повторять наставления относительно зимовки. Ему в первый раз предстояло остаться там, наверху, а старый Хари провел уже четырнадцать зим среди снегов в гостинице Шваренбах.

Ульрих Кунси слушал, видимо, ничего не понимая, и, не отрываясь, смотрел на девушку. Время от времени он повторял: «Хорошо, госпожа Хаузер». Но его мысль, казалось, была далеко, а спокойное лицо оставалось бесстрастным.

Они достигли озера Даубе, продолговатая, обледенелая и совершенно плоская поверхность которого простиралась в глубине долины. Направо Даубенхорн выставлял свои черные островерхие утесы – рядом с огромными моренами Леммернского ледника, над которым навис Вильдштрубель.

Когда они подходили к перевалу Жемми, откуда начинается спуск к Лозэшу, перед ними сразу открылся необъятный горизонт Валесских Альп, отделенный от них глубокой и широкой долиной Роны.

Под солнцем сверкало множество белых вершин разной высоты, то приземистых, то заостренных: двурогий Мишабель, мощный массив Висехорна, тяжелый Бруннегхорн, высокая и зловещая пирамида человекоубийцы Сервена и чудовищный щеголь Белый Зуб.

А внизу, в неизмеримом провале, в глубине какой-то страшной пропасти, они увидели Лозэш; домики там казались песчинками, рассыпанными по огромной расщелине, которая открывается на долину Роны, а заканчивается и замыкается перевалом Жемми.

Мул остановился у начала тропинки, фантастической и чудесной, которая, змеясь и извиваясь во все стороны, спускается по крутой горе до деревушки, почти незаметной у ее подножия. Женщины спрыгнули на снег.

Старики подошли к ним.

– Ну, прощайте, друзья, – сказал Хаузер-отец, – мужайтесь. До весны.

Хари ответил:

– До весны.

Они поцеловались. Г-жа Хаузер тоже подставила щеку остающимся, и девушка последовала ее примеру. Прощаясь, Ульрих Кунси шепнул на ухо Луизе: «Не забывайте тех, кто остался наверху». Она так тихо ответила: «Хорошо», – что он скорее догадался, чем услышал.

– Ну, прощайте же, – повторил Жан Хаузер. – Будьте здоровы.

И он начал спускаться впереди женщин.

Вскоре все трое исчезли за первым поворотом дороги.

Проводники повернули к гостинице Шваренбах.

Они шли медленно, рядом, не разговаривая. Конечно, они остались вдвоем на четыре или на пять месяцев.

Потом Гаспар Хари начал рассказывать, как он проводил прошлую зиму. Он жил с Мишелем Канолем, слишком уже старым теперь, чтобы зимовать здесь: мало ли что может случиться во время такого долгого уединения. Впрочем, они не скучали; все дело в том, чтобы сразу примириться с положением, а в конце концов всегда найдешь, чем развлечься; придумываешь игры и разные забавы, чтобы заполнить время.

Ульрих Кунси слушал его, потупившись, мысленно следя за теми, кто сейчас спускается к поселку по всем извилинам Жемми.

Скоро они увидели гостиницу, маленькое, почти незаметное черное пятнышко у подножия огромного снежного гребня.

Когда они открыли дверь, Сам, большой кудлатый пес, принялся скакать около них.

– Ну, сынок, – сказал Ульриху старый Гаспар, – теперь уж у нас нет женщин; нужно готовить обед; тебе придется начистить картошки.

И, усевшись на деревянные табуретки, они начали готовить похлебку.

Утро следующего дня показалось Ульриху Кунси очень долгим. Старый Хари курил и сплевывал в очаг, а юноша смотрел в окно на гору, сверкавшую перед домом.

После обеда он вышел и, отправившись той же дорогой, что и вчера, принялся искать на снегу следы мула, увозившего женщин. Дойдя до перевала Жемми, он растянулся на животе у края пропасти и стал смотреть на Лозш.

Деревушка, расположенная на дне скалистого колодца, еще не была погребена под снегом, хотя снег почти добрался до нее; путь ему преградил сосновый лес, защищавший окраину деревушки. Ее низенькие дома казались сверху булыжниками, разбросанными по полю.

Луиза Хаузер теперь была там, в одном из этих сереньких домишек. В котором? Ульрих находился слишком далеко, чтобы различить каждый из них в отдельности. Как хотелось ему спуститься вниз, пока еще было можно!

Но солнце исчезло за огромной вершиной Вильдштрубеля, и молодой человек вернулся домой. Старик Хари курил. Увидев возвратившегося товарища, он предложил ему сыграть в карты, и они уселись за стол друг против друга.

Они играли долго в несложную игру, именуемую «бриск»; потом, поужинав, легли спать.

И потянулись дни, похожие на первый: холодные, ясные, без снега. Старый Гаспар после обеда подкарауливал орлов и редких птиц, которые отваживались парить над льдистыми вершинами, а Ульрих неизменно отправлялся к перевалу Жемми смотреть на поселок. Потом они играли в карты, в кости, в домино, выигрывая и проигрывая разные пустяки, чтобы придать интерес игре.

Однажды утром Хари, вставший первым, окликнул своего сожителя. На них и вокруг них белой пеной опускалось зыбкое, глубокое и легкое облако, бесшумно и постепенно погребая их под плотной, тяжелой периной. Так длилось четыре дня и четыре ночи. Пришлось расчищать двери и окна, пробивать проход и вырубать ступеньки, чтобы подняться на этот покров ледяной пыли, которая за двенадцать часов мороза стала крепче гранита морен.

Тогда они зажили как пленники, не решаясь выходить из своего жилища. Они разделили обязанности и строго их выполняли. Ульрих Кунси прибирал и мыл, взяв на себя всю заботу о чистоте. Он же колот дрова, а Гаспар Хари готовил пищу и следил за топкой. Эта работа, размеренная и однообразная, сменялась долгой игрой в карты или в кости. Они никогда не ссорились, так как оба были спокойны и добродушны. Никогда не обнаруживали даже досады или плохого настроения и не говорили друг другу колкостей, потому что заранее запаслись покорностью на весь срок зимовки в горах.

Иногда старый Гаспар брал ружье и отправлялся на охоту; время от времени ему удавалось убить серну. Тогда в гостинице Шваренбах бывал настоящий пир, праздник свежего мяса.

Однажды утром он отправился на охоту. Термометр показывал восемнадцать градусов мороза. Солнце еще не вставало, и охотник надеялся застичуть животных на уступах Вильдштрубеля.

Ульрих, оставшись один, провалялся до десяти часов. Он любил поспать, но не смел давать волю своей склонности в присутствии старого проводника: Гаспар, всегда бодрый, вставал очень рано.

Он неторопливо позавтракал с Самом, который также проводил дни и ночи в дремоте перед огнем; затем ему стало грустно, даже страшно от одиночества, и потребность обычной партии в карты овладела им с такой силой, с какой вспыхивает желание, порожденное непобедимой привычкой.

Тогда он вышел из дому навстречу своему товарищу, который должен был вернуться к четырем часам.

Снег выровнял всю глубокую долину, завалив расщелины, засыпав оба озера, запушив утесы; между огромных вершин образовалась как бы огромная лохань, белая, правильно закругленная, ослепительная, обледенелая.

Уже целых три недели Ульрих не возвращался к краю пропасти, откуда он смотрел на деревушку. Ему захотелось побывать там, прежде чем начать взбираться по склонам, ведущим к Вильдштрубелю. Лозш теперь тоже лежал под снегом, и дома, погребенные под этой белой

пеленой, были почти неразличимы. Потом, повернув направо, он добрался до ледника Леммерн. Он шел обычным широким шагом горца, постукивая железным наконечником палки по снегу, твердому, словно камень. И зоркими глазами он старался найти вдали, на этой безграничной пелене, движущуюся черную точку.

У края ледника он остановился и задал себе вопрос, действительно ли старик отправился этой дорогой; затем он пошел вдоль морены более беспокойным и быстрым шагом.

Вечерело; снег розовел; сухой леденящий ветер проносился порывами над его хрустальной поверхностью. Ульрих издал призывный крик, пронзительный, долгий, дрожащий. Звук его голоса улетел в мертвое безмолвие спящих гор, промчался вдали над неподвижными, глубокими волнами ледяной пены, словно крик птицы над волнами моря, потом замер, и ничто не ответило ему.

Ульрих снова пустился в путь. Солнце зашло позади вершин, еще обагренных отблесками заката, но глубь долины темнела. И юноше вдруг стало страшно. Ему показалось, что молчание, холод, одиночество, зимний смертный сон этих гор проникают в него, что они остановят и остудят его кровь, заморозят тело, превратят его в неподвижное окоченелое существо. И он побежал в сторону своего жилища. Старик, думалось ему, уже возвратился домой: он шел другой дорогой, а теперь греется перед камином, и убитая серна лежит у его ног.

Вскоре стала видна гостиница. Но дымок не подымался из трубы. Ульрих побежал быстрее, открыл дверь. Сам, ласкаясь, бросился к нему, Гаспара Хари не было.

Растерявшись, Кунси озирался вокруг, словно рассчитывая обнаружить товарища где-нибудь в углу. Потом он развел огонь и приготовил суп, все еще надеясь, что старик вернется.

Время от времени он выходил взглянуть, не покажется ли Гаспар. Наступила ночь, белесоватая горная ночь, иссиня-бледная, освещенная на краю горизонта тонким желтым серпом месяца, готового скрыться за вершинами.

Ульрих снова входил в дом, присаживался, отогревал руки и ноги и принимался размышлять о возможных несчастных случаях.

Гаспар мог упасть в яму, поскользнуться и вывихнуть или сломать себе ногу. И он лежит теперь в снегу, коченеет от холода, изнемогает и в отчаянии, быть может, кричит изо всех сил о помощи в ночной тишине.

Но где он? Горная цепь так огромна, так сурова, так опасна, в особенности теперь, зимой, что потребовалось бы десять, двадцать проводников и целая неделя поисков по всем направлениям, чтобы найти человека в этой беспредельности.

Ульрих Кунси решил, однако, отправиться на розыски с Самом, если Гаспар Хари не вернется к полуночи или к часу.

И он принялся за сборы.

Он положил в мешок съестных припасов на два дня, взял железные крючья, обмотал вокруг пояса длинную тонкую и крепкую веревку, проверил, в порядке ли окованная железом палка и кирка, которой вырубают ступеньки во льду. После этого он стал ждать. Огонь пылал в камине, большая собака, освещенная пламенем, храпела, часы, подобно сердцу, отбивали мерные удары в своем гулком деревянном футляре.

Он ждал, прислушиваясь к далеким шумам, вздрагивая, когда легкий ветер задевал крышу и стены.

Пробило полночь; он вздрогнул. И все еще чувствуя дрожь и страх, поставил на огонь воду, чтобы выпить горячего кофе, прежде чем пуститься в путь.

Когда пробило час ночи, он встал, разбудил Сама, открыл дверь и пошел по направлению к Вильдштрубелю. Он поднимался в продолжение пяти часов, карабкаясь на утесы при помощи крючьев, вырубая лед, взбирался все выше и порой подтягивал на веревке собаку, отстававшую на слишком крутом подъеме. Было часов шесть, когда он добрался до вершины, на которую старый Гаспар зачастую приходил в поисках серн.

Здесь он решил подождать восхода солнца.

Небо бледнело над его головой, и вдруг необычайный свет, возникший неизвестно где, сразу озарил бесконечный океан бледных вершин, простиравшийся на сто лье вокруг. Этот смутный свет разливался в пространстве, излучаясь как будто из самого снега. Мало-помалу наиболее высокие дальние вершины приняли нежный телесно-розовый оттенок, и багряное солнце поднялось над грузными великанами Бернских Альп.

Ульрих Кунси пустился в путь. Он шел, как охотник, согнувшись, выискивая следы, повторяя собаке:

– Ищи, Сам, ищи.

Теперь он спускался с горы, всматриваясь в пропасти, и порой издавал протяжный призывный крик, сразу замиравший в немой бесконечности. Тогда он прикладывал ухо к земле, слушал, как будто различал чей-то голос, бросался бежать, снова звал и, не слыша больше ничего, выбившись из сил, садился в отчаянии. Около полудня он позавтракал и дал поесть Саму, уставшему не меньше его. Потом снова принялся за поиски.

Наступил вечер, а он все еще шел, пройдя уже по горам километров пятьдесят. Возвращаться домой было слишком далеко, а тащиться дальше у него не хватало сил, поэтому он вырыл в снегу яму и забрался в нее вместе с собакой, накрывшись одеялом, которое взяла с собой. Человек и животное легли, прижавшись друг к другу, согревая один другого, и все же промерзли до мозга костей.

Ульрих почти не спал и дрожал от озноба, преследуемый видениями.

Когда он поднялся, уже начинался день. Ноги у него не сгибались, словно железные брусья, духом он ослабел настолько, что ему хотелось кричать от отчаяния, сердце колотилось так, что он едва не падал от волнения, когда ему чудился какой-то шум.

Внезапно он подумал, что и он может замерзнуть в этой пустыне, и ужас, подобный смерти, подстегнул его энергию и пробудил в нем мужество.

Он стал спускаться к гостинице, падая и вновь поднимаясь, а вдали за ним, ковыляя на трех лапах, плелся Сам.

Они добрались до Шваренбаха только к четырем часам дня. Дом был пуст. Молодой человек затопил камин, поел и заснул; он настолько отупел, что не думал больше ни о чем.

Он спал долго, очень долго, непробудным сном. Но внезапно чей-то голос, чей-то вопль, чей-то зов: «Ульрих!» – прервал его глубокое оцепенение и заставил его вскочить. Было ли это во сне? Был ли это один из тех непонятных призывов, которые вторгаются в сон встревоженной души? Нет, он еще слышал этот замирающий крик, проникший в его ухо и пронизавший все тело до кончиков дрожащих пальцев. Конечно, кто-то кричал, кто-то звал: «Ульрих!» Кто-то здесь, возле самого дома. В этом нельзя сомневаться. Он открыл дверь и крикнул во весь голос:

– Это ты, Гаспар?!

Никто не ответил; ни звука, ни шороха, ни стопа – ничего. Сгущалась ночь. Снег тускнел.

Поднялся ветер, ледяной ветер, от которого трескаются камни и погибает все живое на этих пустынных высотах. Он налетал внезапными порывами, более жгучими и смертоносными, чем порывы палящего ветра пустыни. Ульрих снова крикнул:

– Гаспар! Гаспар! Гаспар!

Затем он подождал. Все было безмолвно в горах. Тогда ужас потряс его существо. Одним прыжком он вскочил в дом, захлопнул дверь и задвинул засовы; потом, стуча зубами, упал на стул в уверенности, что его позвал товарищ в предсмертную минуту.

В этом он был так же уверен, как можно быть уверенным в том, что живешь или ешь хлеб. Старый Гаспар Хари где-то умирал два дня и три ночи, – в какой-нибудь расщелине, в одной из тех глубоких, девственно белых лощин, белизна которых более зловеща, чем мрак подземелья. Он умирал два дня и три ночи и умер только что, думая о товарище. И его душа, едва освободившись, полетела к гостинице, где спал Ульрих, и позвала его по праву той таинственной и страшной власти, какую обладают души умерших над живыми. Она кричала, эта безгласная душа, в усталой душе заснувшего; она кричала свое последнее прощание, или упрек, или проклятие человеку, который слишком мало искал.

И Ульрих чувствовал ее здесь, совсем близко, за стеной дома, за дверью, которую он запер. Она носилась, как ночная птица, бьющаяся крыльями в освещенное окно, и юноша, обезумев, готов был завывать от ужаса. Он хотел бежать и не осмеливался выйти; он не решался сделать это и уже не решится никогда, потому что призрак будет днем и ночью здесь, возле гостиницы, пока тело старого проводника не будет найдено, пока его не похоронят в освященной земле кладбища.

Настал день, возвратилось, блистая, солнце, и Кунси немного пришел в себя. Он приготовил обед, сварил похлебку для собаки, а потом неподвижно сидел на стуле, терзаясь мыслью о старике, лежавшем на снегу.

Но как только ночная тьма снова одела горы, его начали осаждать новые ужасы. Теперь он расхаживал по темной кухне, еле освещенной одной свечой; он ходил взад и вперед большими шагами и прислушивался, прислушивался, не прорежет ли снова угрюмую тишину страшный крик, как в прошлую ночь. И он чувствовал себя таким одиноким, бедняга, как никогда еще не был одинок человек! Он был один среди огромной снежной пустыни, один на высоте двух тысяч метров над обитаемой землей, над жилищами людей, над жизнью, что волнуется, шумит и трепещет, один под этим ледяным небом! Безумное желание жгло его – бежать, все равно куда и все равно как спуститься в Лозш, ринувшись в пропасть; но он не смел даже отпереть дверь, так как был уверен, что мертвец преградит ему путь, чтобы тоже не оставаться одному в горах.

К полуночи, устав от ходьбы, истомленный тоскою и страхом, он наконец задремал, сидя на стуле, потому что боялся своей постели, как боялся места, посещаемого призраками.

И внезапно его слух, как вчера, пронзил резкий крик, столь нестерпимый, что Ульрих, вытянув руки, чтобы оттолкнуть привидение, упал навзничь вместе со стулом.

Сам проснулся от стука, завыл, как воют испуганные собаки, и начал бегать по дому, стараясь найти, откуда грозит опасность. Когда он подбежал к двери, шерсть его встала дыбом, и он стал обнюхивать порог, подняв хвост, фыркая и ворча.

Кунси поднялся, обезумев, и, подняв стул за ножку, закричал:

– Не входи! Не входи! Не входи! Не то я убью тебя!

А собака, возбужденная этой угрозой, принялась яростно лаять на невидимого врага, которому бросал вызов хозяин.

Мало-помалу Сам успокоился и снова растянулся возле очага, но оставался настороже, приподняв голову, сверкая глазами, рыча и скаля зубы.

Ульрих тоже пришел в себя; чувствуя, что теряет силы от ужаса, он достал в буфете бутылку водки и выпил одну за другой несколько

рюмок. Мысли его путались, но мужество вернулось к нему, и лихорадочный огонь разлился по его жилам.

На следующий день он совсем ничего не ел и только пил водку. И несколько дней подряд он прожил в скотском опьянении. Как только мысль о Гаспаре Хари возвращалась к нему, он снова принимался пить и пил до тех пор, пока не валился на пол, совершенно охмелев. Лежа ничком, мертвецки пьяный, обессиленный, он храпел, уткнувшись лицом в землю. Но едва лишь огненная и одурманивающая жидкость переставала действовать, все тот же вопль: «Ульрих!» – пробуждал его, пронизывая ему череп, как пуля; и он вставал, пошатываясь, хватаясь руками за стены, чтобы не упасть, призывая Сама на помощь. Собака, которая, казалось, сходила с ума, как и ее хозяин, бежала к двери, царапала ее когтями, грызла длинными белыми зубами, а Ульрих, запрокинув голову и вытянув шею, жадно, словно холодную воду после бега, глотал водку, чтобы вновь усыпить мысль, и память, и безумный страх.

В три недели он прикончил весь запас спиртного. Но непрерывное опьянение лишь на время приглушало ужас, пробудившийся с еще большей силой, когда уже нечем было его унять. И тогда в его мозг стала, наподобие сверла, внедряться навязчивая мысль, подкрепленная целым месяцем пьянства и непрерывно развивавшаяся в полном одиночестве. Теперь он метался из угла в угол, словно зверь в клетке, прикивал ухом к двери, прислушивался, не стоит ли за ней тот, другой, и грозил ему через стену.

А как только он засыпал, побежденный усталостью, ему снова слышался голос, и он вскакивал на ноги.

Наконец, однажды ночью, подобно трусу, доведенному до крайности, он бросился к двери и отворил ее, чтобы увидеть и заставить замолчать того, кто его зовет.

В лицо ему ударила струя холодного воздуха, прохватившая его до костей, и он захлопнул дверь и задвинул засовы, не заметив, что Сам выбежал наружу. Потом, дрожа, подбросил в очаг дров и сел перед ним, чтобы согреться, но внезапно весь затрепетал: кто-то с плачем царапался в дверь.

Обезумев, он закричал: «Уходи!» В ответ раздался жалобный, тягучий и скорбный стон.

Последние остатки его разума были сметены ужасом. «Уходи, уходи!» – повторял он, вертась во все стороны, чтобы найти уголок, куда можно было бы спрятаться. А тот, другой, плача, бежал возле дома и царапал стену. Ульрих бросился к дубовому буфету, наполненному провизией и посудой, со сверхчеловеческой силой приподнял его и подтащил к двери, чтобы забаррикадировать ее. Потом, нагромоздив в кучу все остальные вещи – подушки, матрацы, стулья, – он завалил окно, как это делают, когда дом осажден врагом.

А тот, кто был снаружи, испускал теперь заунывные вопли, на которые Ульрих стал отвечать такими же воплями.

Проходили дни и ночи, и они оба выли, не умолкая. Один непрерывно кружил возле дома и царапал стены с такой силой, как будто хотел их разрушить; другой, сидя внутри, согнувшись, прикивал ухом к стене, следил за каждым его движением и отвечал на его призывы отчаянными криками.

Однажды Ульрих не услышал больше ничего; он был настолько разбит усталостью, что, присев, тотчас заснул.

Когда он проснулся, в голове его не было ни единого воспоминания, ни единой мысли, как будто она совершенно опустела во время этого изнурительного сна. Он был голоден и поел.

.....

Зима кончилась. Перевал Жемми очистился от снега, и семейство Хаузер отправилось в путь к своей гостинице.

Добравшись до гребня перевала, женщины сели на мула и стали говорить о двух мужчинах, которых им сейчас предстоит увидеть.

Они удивлялись, что ни тот, ни другой не спустился в деревню несколькими днями раньше, едва только дорога стала проходимой, чтобы рассказать о своей долгой зимовке.

Наконец вдали показалась гостиница, еще занесенная и заваленная снегом. Дверь и окно были закрыты, но слабый дымок поднимался над крышей, и это успокоило старика Хаузера. Однако, подойдя поближе, он заметил у порога расклеванный орлами скелет животного, большой скелет, лежащий на боку.

Все начали его рассматривать. «Это, должно быть, Сам», – сказала мать. И позвала: «Эй, Гаспар!» В ответ из дома раздался пронзительный крик, похожий на крик какого-то зверя. Хаузер-отец повторил: «Эй, Гаспар!» Снова послышался крик, такой же, как первый.

Тогда трое мужчин, отец и оба сына, сделали попытку открыть дверь. Она не поддавалась. Достав из пустого хлева длинную балку, они со всего размаха ударили ею, как тараном. Дверь крякнула, доски разлетелись в щепы; затем страшный грохот потряс весь дом, и они увидели за свалившимся буфетом человека, волосы которого отросли до плеч, борода покрывала грудь, глаза сверкали, а одежда висела на теле лохмотьями.

Они не узнавали его, но Луиза Хаузер воскликнула: «Мама, это Ульрих!» И мать убедилась, что это действительно Ульрих, хотя волосы его стали совершенно седыми.

Он позволил им войти, позволил прикоснуться к себе, но ни слова не отвечал на все вопросы; пришлось отвезти его в Лоэш, где доктора признали, что он сошел с ума.

И никто никогда не узнал, что случилось с его товарищем.

Луиза Хаузер чуть не умерла в то лето от какой-то изнурительной болезни, которую приписали холодному горному климату.